
Я погружаюсь в мир небытия,
Смертей и незаконченных работ –
И чувствую, что вся моя семья
Уж без волнения чего-то ждёт.
А ты, как запоздалый серафим,
Растерянно витаешь надо мной,
Ещё не зная, что я Бога попросил
Учить тебя, как жить одной...

В кофейне старой на углу
Я выпью кофе по-турецки
И в «Интернете», коль смогу,
Найду хороший фильм советский.
Я буду долго там сидеть,
Своё бывшее вспоминая,
На ножки юные глядеть,
Волнения уж не ощущая. –
Потом проворно забывать
Все тексты, точки и пунктиры, –
Как будто ватой затыкать
Во Времени сквозные дыры.

Предзимье. Скучно и уныло.
Легки деревья без грачей и листьев,
А крепость холодна и беззащитна
Перед лавиной северных ветров.
На Блонье фонари обнажены и зябки,
И теплый ореол зеленолистый
Им только снится долгими ночами
До столь далекой будущей весны.

В душе моей – эквивалент природы:
Всё здесь готово к зимнему ненастью
И так же обнаженно не готово,
Как птица, опоздавшая на юг.

Завершение. Тихая точка
На хвосте нашумевшей строки.
Не жена ты мне и не дочка,
И, к тому же, не любишь стихи.
Ты летаешь в своей «Тойоте»,
Ты прекрасно играешь в гольф.
Ну, а я – в своей драной роте,
Перекатно-бродячая голь.
Я тобою горжусь. Вот я, гордый,
У судьбы стою на краю.
Ты, пожалуй, мне – вроде как орден,
Тот, который я скоро пропью!

ПАЛЬМА

Я вырастил пальму из косточки финика.
Она так наивно тянула пики побегов
К неясному нашему солнцу смоленскому,
Чтобы потом раскрылатиться ветвью,
не печалась нисколько
От неприхотливого быта и неустройств моих вечных.
На Новый год она заменяла мне ёлку
И стойко терпела игрушки, гирлянды и вату.
Любила потом, когда, обмывал я ей ветви,
Как моют ребёнка, заставив его в ванне встать
и закинуть вверх руки.
Зимой она грустно взирала сквозь утра туманные
На акварели домов и трамваев, чуть дрожа от лязга
последних.
Весной оживала и, вспомнив законы природные,
Топорщила к солнцу ослабшие ветви.
А в Вербное воскресенье тихо шептала: «И-е-ру-са-лим...»
Не понимая скрытого смысла, но помня отчётливо
Своей древней генетикой человека на белой ослице,
И то, что «вербное» «пальмовым» было когда-то...
Она настороженно относилась к кошкам,
Которых, по их естеству, привлекала земля в её кадке,

Пока я не уставил её бутылками с чистой водой.
Когда мне было одиноко, я разговаривал с пальмой,
И она молчаливо внимала речи моей.
Мне всегда хорошо было с ней, словно отцу-одиночке
С незамужнею дочкой, ласковой, но не очень счастливой...

Кусты, как маленькие взрывы,
Стоят над вешнею землёй,
И мир наш кажется счастливым,
Умывшись чистою зарёй.
Но слово «кажется» тревогой
Налилось уж до полноты... –
Но, полноте, – весна, дорога,
А вдоль дороги – жизнь: кусты.

Джузеппе Верди: Va, pensiero...

Идите, идите ко мне:
как мне сладко думается о вас!
Идите, идите – и встаньте в круг,
круг неразъёмный дружбы живой.
Идите, идите – рядом и в даях,
мир заполняйте великой толпой,
милым свечением ваших тел,
высоким летанием ваших душ. –
Идите, идите, идите, идите –
неостановимо ваше вхождение
в каждую клетку существа моего
и во все поры огромного мира.
Идите, идите ко мне:
как смеюсь я с вами, как плачу о вас!
Идите, идите, идите –
в думы мои, мечты мои
и воспоминания...

Чашу за чашей
разбиваю холодные ночи
о горячий валун солнца.
Чашу за чашей
разбиваю жаркие дни
о холодный валун луны.
Я весь погружен в осколки
дней и ночей, ночей и дней.
Когда же, когда же ночь,
когда же, когда же день,
которые выдержать смогут
свое испытанье на прочность?
Мне хотя бы одну ночь,
мне хотя бы один день,
из которых я напоил бы тебя
любовью, любовью, любовью,
не пролив ни единой капли!

ИМПРЕССИЯ № 2

Дождь – пламя наоборот,
ничего не щадящее пламя.
Натекло уже много огня
к порогу нашего дома. –
Вот и сгорела сестренка моя,
на одной ноге прыгая ловко.

ИМПРЕССИЯ № 4

Лежу я во ржи придорожной
и, колосья раздвинув, гляжу
на машины, шипящие рядом.
Им совершенно нет дела,
что сейчас я за них молюсь.
Зеленая кисть перелеска
нарисовала роскошный автобус,
и столько на него навалилось неба,
что ползет он едва-едва
и от струй раскаленного воздуха

колышется, словно штандарт,
оставший от воинов в латах
на целую тысячу лет.
Подброшенный жизнью к солнцу,
жаворонок о жизни поет,
и висит эта песнь над разлукой,
дорогой, автобусом пыльным...
Но всё же я помолюсь, –
бывает же так, что Бог
не слышит песнь жаворонка.

Верховодит солнце над спокойным днём.
Облака вихрастые – ребятяню в стороны.
День как день, да только в нём
Зёрнышки упали под правильные бороны.
А возрастут росточки в радость по весне
Да ударят в колос звонко и не крадучись,
И тогда, денёчек, ты припомнись мне:
Не напрасен был ты – вот я и порадуюсь!

«В одежде верхней не входить!» –
Зима сказала мёрзнущим деревьям
И попросила дверь закрыть,
Занявшись вновь снеготвореньем. –
А те шептались у двери,
И, глядя в небо обречённо,
Вздыхали: «Мы – не журавли.
Нам что? – Мы остаёмся дома...»

ЗИМНИЕ КРЫЛЬЯ

1.

Я домик увидел, где черные лебеди
после роскошного лета зимуют;
домик в углу опустевшего парка,
домик, наполненный хлопаньем крыльев

и гоготаньем немелодичным,
с плошками мерзких людских угощений,
с запахом птичника, паром тягучим
и потолком без проталинки неба.

2.

Однажды меня пригласила циркачка,
бестия цирка, колдунья трапеций,
летевшая в свете, красках и звуках, –
домой пригласила, скрываясь от славы
и от назойливых репортеров.
В квартире что-то громко шипело:
жарилось-парилося или играло.
Вышла хозяйка в потрепанных джинсах,
в старенькой блузке и в сетке морщинок.
Голос был хриплым, и пальцы искали
в пачке помятой последнюю с фильтром.
И, ничего не сказав мне о цирке,
она попросила стихи ей оставить, –
те, что прочли вы – про дом лебединый.

ИМПРЕССИЯ № 18

Над стонущими кварталами
мой плач – как рука господня.
Я глажу усталые здания
по крышам, вспотевшим крышам.
Простите мне эту манию,
не надо о терапии. –
Просто быть Богом очередь
подошла мне сегодня вечером.
И вот, как по должности нужно,
я плачу на трех регистрах, –
и прыгают самоубийцы
прямо в мою ладонь.
Устал я быть просто спасателем,
хочу стать чьим-то спасителем.
Прыгайте, детки, прыгайте:
сегодня мое дежурство.

СВЕРЧОК

Где-то сверчок,
Надев сюртучок,
На машинке стучит –
Мне письмо сочиняет.
Постучит – и молчок:
Сюртучок – на крючок.
Ведь что дальше писать –
Он не знает!